

УДК 101.1:316
ББК 87:60.55
М – 29

Мартазанов Х.-М.М., ИГУ, г. Назрань

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье рассматриваются различные концептуальные трактовки понятия «социальные изменения», из анализа которых был сделан вывод о том, что в науке сложилась традиция типологизации социальных изменений, где обычно выделяют следующие их виды: 1) социальные революции; 2) реформы; 3) модернизация; 4) трансформация; 5) социальные движения и т.д. Таким образом, понятие «социальные изменения» рассматривается как родовое, включающее в себя ряд видовых понятий, такой синтезирующий потенциал делает его привлекательным в социотворческом опыте многих обществ.

Проблема осмысления происходящих преобразований в жизни постсоветских обществ, именуемых - соответственно переживаемому ими этапу развития переходного периода - транзитными, в современной социологической мысли представлена в группе проблем, относящихся к «социальным изменениям». Это основывается на том, что проблемы, относящиеся к трансформационным процессам, тоже в основном концентрируются вокруг таких явлений как конструирование новых способов организации социальной жизни, расширение границ социопро странственного мира социума, смена элит и правил их формирования и т.д. Таким образом, хотя современная трансформационная теория свое внимание сконцентрировала в основном на изучении динамики общественной жизни постсоветских обществ, однако сами изменения являются постоянными спутниками человеческих обществ. Если в несложных, недифференцированных обществах эти изменения происходили обособленно в границах отдельных областей, не влияя на другие сферы, то в сложных дифференцированных обществах они протекают иначе. Здесь изменения, происходящие в одной сфере, всегда начинают оставлять следы, отпечатки на других сферах жизнедеятельности общества. Общезначимое содержание этих преобразований обычно переплетается в конструируемых социальных мифах, символах, изобретаемых традициях и т.д., через которые поддерживается лояльность социума по отношению к вводимым новациям, санкционируемым «творческим меньшинством», преобразованиям в обществе. Это означает, что происходящие в обществе изменения все более становятся связанными с изменениями в культуре и редко - в социальной сфере. По мере развития человеческих обществ постепенно направленности происходящих в этих сферах изменений начинают обуславливать, предполагать друг друга, поэтому обычно они и обозначаются «социокультурными». Это отчасти оправдано тем, что именно через эти изменения становится возможным полноценное воспроизводство жизни общества на разных уровнях - индивидуальном, групповом, национальном и т.д. Наверное, поэтому одним из важнейших вопросов жизни, тысячелетиями побуждающих людей к поиску ответа, является вопрос об изменениях. Человек с ними сталкивался как при личном биологическом росте, так и в стремлении упорядочить свои жизненные проблемы, организовать социальную жизнь. И хотя каждый из названных моментов отличался от других, но их объединяло постоянно общее фиксируемое количественно-качественное измерение-возникновение, рост, упадок, повторение, развитие и т.д.

Первоначально в основу объяснения и осмысления этих изменений ставились природные или космические факторы. Опора на них имела довольно долгую традицию в истории человеческой истории развития, и во многом легла в основу религиозных, мифологических и также иногда научных концепций объяснения изменений, которым подвержено человеческое общество. Данный принцип осмысления проблемы основывался, прежде всего, на признании соответствия социальных изменений природно-космическим. Поэтому человек старался, чтобы нормы и ориентиры его поведения базировались на представляемых ими правилах космического порядка. Соответственно предопределенность существующих усло-

вий социальной жизни людей и их неспособность изменить эти условия согласно собственной воле начинают выступать на передний план. Поэтому представлялось, что изменения в области социальной жизни людей должны происходить в рамках заданных конструктов (в основном религиозных), которые часто отставали от изменений реалий жизни. В таких ситуациях ориентация на изменение обстоятельств социальной жизни начинала уступать, сдавать позиции стремлениям человека к изменению самого себя согласно выработанному обществом идеалу совершенного человека с целью реализовать божественные установления на земле. Поэтому при такой установке источник изменения общественных структур искали не в самих этих структурах, а во внешних факторах. Такая направленность была присуща и многим философским концепциям осмысления проблемы изменений. В них изменения, касающиеся общественной жизни, прежде всего рассматривались с точки зрения возможного идеального переустройства. Только с появлением дарвиновской эволюционной теории и переносом отдельных концептов эволюции природного мира на формы организации человеческих обществ начали выдвигаться социологические теории, для которых характерны органицизм и прогрессивизм. Несмотря на различия в фокусе рассмотрения проблем, этим теориям было присуще общее качество: теперь выдвигание факторов изменений, сопутствующих человеческим обществам, осуществлялось в более широком контексте. В них изменение начинало выступать как одно из основных условий существования общества, что означало радикально отличную постановку вопроса по сравнению с предшествующими эпохами. Одним из ярких воплощений социологической концепции такого видения проблемы социальных изменений тогда явился марксизм с его тезисом «Философы до сих пор по-разному объясняли мир теперь задача заключается в том, чтобы его изменить» и позитивизм в лице О.Конта и Г.Спенсера. Согласно марксистской концепции социальных изменений, в основе изменения общественной жизни лежит изменение способов материальных благ. Следует отметить, что созданное марксизмом в начале промышленной революции учение о природе социальных изменений оказалось неспособным объяснить многие проблемы, вставшие перед человечеством в двадцатом столетии. Это отмечается также и российскими учеными Л.Н.Березовской и А.М.Ковалевым: «Современное развитие общества с особой наглядностью выявило ограниченность традиционных представлений марксизма относительно многих коренных проблем человечества. Недооценка роли человеческого потенциала, сведение основных целей развития общества к материально-производственной сфере привели к крупным ошибкам в стратегической линии поведения левых партий как в странах Востока, так и Запада. Это выразилось, как известно, в том, что в странах Востока было предпринято форсированное строительство так, например, коммунизма, хотя там для этого не существовало ни объективных, ни субъективных предпосылок».

Другая довольно обширная концепция осмысления социальных изменений в свое время была предложена представителями структурно-функционалистического направления в социологии. В созданной функционалистами теории социальных изменений проводилось различие между обществами, в которых изменения достаточно вездесущие, и обществами, где они отсутствуют. Первобытные общества были отнесены именно к той группе, в которой социальные изменения в общественной жизни социума незначительны, если не сказать, что они вообще отсутствуют. В. Малиновский и А.Радклиф-Браун отстаивали мнение о холистическом и функциональном характере социальных изменений. Согласно их мнения, первобытные общества начинают изменяться в результате установления культурного контакта с другими, в сравнении с ними более развитыми, обществами. Таким образом, вызываемые культурным контактом изменения постепенно приобретают всеобщий характер и служат причиной перехода этих обществ к качественно новому состоянию по сравнению с предыдущим этапом.

В отличие от эволюционных теорий социальных изменений другие концепции исходят из того, что ориентиры изменения общественных структур определяются человеческими взаимоотношениями, связями, характеристиками. Здесь особое место принадлежит таким концептам, как «коллективное представление» Дюркгейма, трудовая этика М.Вебера, потоки подражания Г.Тарда, социальные общности Ф.Тенниса и т.д. Хотя в концепции социальных изменений Г.Тарда основное место отводится аналогиям, метафорам, однако он не одо-

брует характерного для позитивизма сравнения общества с организмом. Он его сравнивает с мозгом, чьи клетки образуются из взаимодействия отдельных человеческих индивидуумов. Как мозг обеспечивает существование тела, так и общество присваивает, приспособливает к своим потребностям человеческие открытия, нововведения и т.д., чтобы на основе подражания им другими поколениями обеспечить воспроизводство социальной жизни. «До сих пор тщательно искали связь и закон исторических событий, причины, вызвавшие странный порядок их последовательности, в котором во что бы то ни стало хотели видеть некоторое развитие. В действительности события следуют друг за другом, но при этом они не только подходят одно на другое, но и не вызывают или, по крайней мере, не обуславливают необходимо друг друга; они сталкиваются между собой в гораздо большей степени, нежели объясняют друг друга, и каждое из них связывается истинно логической связью не с предыдущим и не с последующим, а с целым рядом или даже скорее с несколькими рядами правильных жизненных или социальных повторений, верхней точкой пересечения которых является данное событие. Они накладываются одно на другое подобно последовательным состояниям сознания в индивидуальном уме... Что же удивительного после того, что появление ощущений и внушений, воспоминаний и привычек или появление открытий и изобретений из хранилищ Традиции и Обычая оказывается случайным и беспорядочным!..». Таким образом, Г. Тард в объяснении трансформации общественной жизни особое место отводит подражанию, в русле которого формируются человеческие взаимоотношения.

В отличие от Г. Тарда, Ф.Теннис считает, что тенденции социальных изменений вытекают из видоизменения воли людей к совместной жизни, устои которой строятся на определенных формах социальных связей и отношений. Здесь, исходя из преобладающих форм связей в социальной жизни людей, он различает две формы социальности - «общинность» и «общество». В зависимости от изменения форм социальных отношений между людьми происходит и смена этих форм социальности. Связи, отношения в «общине» в большей мере основаны на эмоциональных, кровнородственных отношениях, ибо в общине большую роль играет доверие, а не рационально-избирательные и прагматические интересы. Однако выход человека за пределы общины вынуждал его к переориентации своих отношений с другими, с окружающим его миром. Теперь в «обществе» в его связях с другими больше начинают преобладать рациональный обмен услугами и прагматические интересы. «Развитие общества и государства и борьба внутри общества за политическую власть наполняют собой историю европейских наций, особенно историю последних четырех столетий. Внизу, на нижних ступенях общества и государства протекает жизнь собственно «народа», громадной массы, которая постоянно занята производительным трудом - сельскохозяйственным или промышленным. Отношение народа к правящему классу, который именно потому является правящим, что он правит народом, можно охватить и выразить словами: народ кормит и питает своих господ ради определенных, полезных для него (народа) и даже необходимых функций, как то: предводительство на войне, суд, управление, просвещение, отправление культа, духовное руководство».

В социологической концепции Э.Дюркгейма социальные изменения предстают как результат исторического перехода обществ от одной формы солидарности к другой посредством эволюции форм разделения труда: «Наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но и в том, что оно делает их солидарными...» Основные формы солидарности материально воспроизводятся правом, которое тоже претерпевает изменения, когда меняются формы солидарности, что отчетливо обнаруживается в отдаваемых им санкциях для контроля над поведением людей (репрессивные, реститутивные). В зависимости от частоты соприкосновения людей формируются типы солидарности. Механическая солидарность характерна для несложных обществ. В современных обществах, где люди вынуждены постоянно устанавливать, отторгать формальные связи с другими, их поведение требует опоры на другие измерения солидарности, нежели в тех, где эти связи были редкими, непостоянными и не выходили за границы группы. Такую форму солидарности Дюркгейм называет органической. Таким образом, эволюция общественных отношений вызывает к

жизни другие, соответствующие им формы солидарности, и изменение способов социальной организации жизни общества определяется ими: «Механическая солидарность, существующая вначале одна или почти одна, постепенно утрачивает почву; мало-помалу берет верх органическая солидарность; таков исторический закон. Но если изменяется способ, которым люди солидаризируются, структура общества не может не измениться. Форма тела непременно изменяется, когда молекулярные свойства уже не те, что прежде...».

Особенно важной среди этих концепций социальных изменений оказалась традиция идущая от М. Вебера, указавшего методологические подходы к исследованию проблемы социальных изменений, в основу которых он положил духовные параметры, а если точнее, - этические нормативы. Методологический аспект веберовской концепции социальных изменений ценен тем, что в ней показан социологический способ выделения из среды множества факторов, влияющих на трансформацию социальных систем, главного, основного, путем их обобщения в плоскости идеально-типических конструкций. Приложение данного метода позволяет некоторым факторам давать всеобщий статус безотносительно к их разграничению в определенно заданных пространственно-временных рамках. Как отмечает российский исследователь Гайденко, «поскольку задача социологии, по Веберу, состоит в установлении общих правил событий к пространственно-временному определению этих событий, то идеальные типы здесь должны быть более общими и, в отличие от генетических, могут быть названы «чистыми идеальными типами»...». Путь к приложению данного метода Вебер находит в переориентации предмета социологии в сторону объяснения социальных явлений через интерпретации, нахождение вложенных в действиях людей смыслов, значений, благодаря которым они и приобретают социальный характер: «Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить ее процесс и воздействие. «Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него».

В зависимости от вложенного смысла социальные действия разделяются на: 1) целерациональные, 2) ценностно-рациональные, 3) аффективные, 4) традиционные. Высшую форму целерационального социального действия Вебер находит в отношении протестантов к труду, в котором они видят свое призвание, предназначение, и именно в результате такого отношения изменился сам облик западного общества. Исходя из этого, он путем изучения хозяйственной этики мировых религий выявляет место религиозно-этических представлений и рутинизации харизмы в изменении структур общественной жизни. Конечно, здесь особое место отводится хозяйственной этике протестантизма: «Один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, - рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания - возник ... из духа христианской аскезы... По мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения...». Исходя из этого, возможности трансформации различных обществ М. Вебер связывает с природой содержащейся в исследуемых ими религиях хозяйственной этики. Здесь сделанные им заключения относительно неспособности ряда обществ трансформироваться в современность оказались в последующем несостоятельными.

Это подтверждалось опытом развития ряда азиатских и восточных обществ, достигших невиданных успехов в модернизации различных аспектов общественной жизни своих стран.

Следует отметить, что хотя осмысление социальных изменений в учениях других социологов не излагается как целостная концепция, однако она в них присутствует как основа, исходная посылка объяснения ими особенностей проявления различных аспектов характеристики предмета изучения. Сюда можно отнести учения В. Парето о смене элит, Г. Зиммеля о формах «социации», Дж. Мида «зеркальное отображение Я», Э. Шилза «центр - периферия», теорию конфликта Р. Дарендорфа, «симуклярь» Ж. Батая, Ж. Деррида и Ж. Дельёза и т.д. Если исходить из того, что часто происходящие в социальных системах изменения затрагивают не только отдельные сферы жизни общества, но также и самого человека, то здесь кажется уместным коротко остановиться на учении Дж. Мида. По его мнению, человек в социальном измерении выступает не как структура, а как процесс. Поэтому основное внимание он уделяет не сложившейся сущности человека, а процессу его формирования и влияющим на это факторам. По мнению Дж. Мида, структура общества и индивидуальности индивидов конституируются в процессе межиндивидуальных взаимодействий. Т.е. эти структуры зависят от способности индивидов сотрудничать с группой индивидов и воспринимать от них целый ряд Я-образов. Таким образом, он дополнил роль субъективных факторов в изменении структуры индивида и общества в целом.

В сегодняшней социологической науке наиболее весомый вклад в деление проблемы трансформации современных социальных систем несли концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «конца истории» Ф. Фукуямы, «мир - система» И. Валлерстайна, «историческая социология» П. Штомпки, текстуализм школы постструктуралистов и т. д. Эти концепции построены во многом на основе привлечения фактов, материалов из социокультурного опыта взаимодействия существующих цивилизаций и отдельных обществ, где доминирует чаще дух соперничества и борьба за ресурсы. Одна из попыток осмысления происходящих в теле современных социальных систем изменений осуществлена С. Хантингтоном. Его концепция, основываясь на осмыслении переживаемых современными обществами проблем, показывает, что эти общества сегодня стремятся по мере возможности объединяться на основе общности культур и цивилизаций ради поиска адекватного ответа на исходящие от современности вызовы. По мнению С. Хантингтона, имевшее раньше место объединение различных обществ на основе общности идеологических установок постепенно начинает утрачивать свою былую привлекательность для современных обществ. Поэтому выдвигается необходимость изучения трансформационных процессов в жизни современных обществ через осмысление природы перемен, происходящих в балансе власти между цивилизациями. Здесь особое внимание уделяется возможности перспективы снижения могущества западной цивилизации и усиления азиатских цивилизаций: «...Постепенно неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться. Когда превосходство Запада исчезнет, большая часть его могущества просто-напросто испарится, а остаток будет рассеян по региональному признаку между несколькими основными цивилизациями и их стержневыми государствами. Наиболее значительное усиление могущества приходится на долю азиатских цивилизаций (и так будет продолжаться и далее), и Китай постепенно прорисовывается как общество, которое бросает вызов Западу в борьбе за глобальное господство. Эти сдвиги в соотношении власти между цивилизациями ведут и будут вести к возрождению и росту культурной уверенности в себе незападных обществ, а также к возрастающему отторжению западной культуры». Однако это, по мнению С. Хантингтона, пока не совершившаяся реальность, а один из возможных вариантов результата конкуренции современных цивилизаций для распространения зоны своего влияния. Разворачивание данного процесса не всегда происходит гладко и мирно, а зачастую он будет сопровождаться с возникновением конфликтных ситуаций между цивилизациями. Поэтому С. Хантингтон утверждает, что «под влиянием модернизации, глобальная политика сейчас выстраивается по-новому, в соответствии с направлением развития культуры... Культурные сообщества

приходят на смену блокам времен «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике».

В отличие от С. Хантингтона, прогнозы Ф. Фукуямы относительно будущего развития западной цивилизации не так мрачны. Он считает, что ее успехам в достижении мирового господства немало способствовала именно привлекательность ценностей его идеологии, сумевшей аккумулировать в конце XX века стремление к объединению различных обществ независимо от их цивилизационной и культурной характеристики.

Внимание Ф. Фукуямы в работе «Конец истории?» сфокусировано на анализе природы происходящих в современном мире социальных изменений, перед лицом которых предложенные идеологией либерализма нормы и ценности организации общественной жизни берут верх над другими идеологемами, особенно коммунистическими. В этом Ф. Фукуяма замечает признаки пришествия «конца истории»: «То, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления...». Однако если представить историю как поток изменений в жизни социума, то, конечно, мы встречаемся не с «концом истории», как утверждает Ф. Фукуяма, а с новым витком изменений в жизни современных обществ. Этот виток изменений в другой одноименной работе ученого обозначается как «Великий Разрыв», который начинают постепенно переживать многие развитые государства в форме деградации социальных связей и общих ценностей, вытекающей из идеологии либерализма. Теперь социальные изменения в современном мире характеризуются стремлением «перестроить заново» социальные связи, скрепляющие разные общности и сообщества на качественно новых основаниях. Здесь особое место отводится политическим, религиозным, естественным и самоорганизующимся факторам. В отличие от Хантингтона, Ф. Фукуяма причины многих происходящих в жизни современных обществ социальных изменений находит чаще в культуре, нежели в политике и религии. Поэтому и в процессе переустройства новых социальных отношений отводит ей скромное место: «Религия частично способствует этому процессу, но она не является обязательным условием социального порядка, как-то полагают многие консерваторы...» Исходя из этого Ф. Фукуяма по-другому интерпретирует все более возрастающий поток обращаящихся к религии людей: «...Возвращение к религиозности примет более мягкую, децентрализованную форму, в которой религиозная вера окажется не столько приверженностью к догмам, сколько движением существующих в обществе норм и стремлением к порядку».

Совершенно другую концепцию осмысления социальных изменений сегодня предлагает направление исторической социологии, где особо выделяются теоретические конструкции И. Валлерстайна и П. Штомпки. И. Валлерстайн прежде всего ставит под сомнение правильность понимания одного из важных направлений социальных изменений - прогресса в истории социологической мысли. Поэтому он предлагает отказаться от традиционного понимания понятия «прогресс», когда он представлялся как переход от менее совершенного к более совершенному. Это в то время как в истории отдельных обществ случается так, что социальные процессы иногда поворачиваются вспять, замедляются и часто останавливаются насовсем. Он считает сомнительным однозначное признание последующих стадий развития человеческой истории лучшими, чем более ранние стадии. По его мнению, основными факторами динамики социальных процессов в современном мире все более становятся наднациональные системы, структуры. Источники изменений он находит в разнообразных контактах между социальными образованиями по типу конкуренции, столкновений и конфликтов.

Теоретическая конструкция П.Штомпки основана на анализе процессов социальных изменений, являющихся результатом массовых действий людей. Исходя из этого, «общество никогда не существует в постоянном, неизменном виде, а всегда находится в процессе «становления». Активность людей носит творческий, конструктивный характер. В постоянно изменяющемся обществе, приводимом в движение активными и

творческими индивидами, применяется эмансипативная социотехническая стратегия, заключающаяся в освобождении людей от ограничений, представлении возможностей свободной деятельности, высвобождении общественной энергии». Получить возможность влияния на ход исторических процессов людям удастся посредством приобретения тех качеств, которые в соответствующих областях считаются критерием исключительности. Наряду с этим, действия личности должны быть созвучны вызовам времени, чтобы включить большую массу людей для реализации поставленной цели: «Подлинно исторические изменения возможны только тогда, когда в них включены большие массы людей. Никто в одиночку, лишь собственными руками не в состоянии изменить историю. Великая личность должна быть способна подвигнуть к действию других людей, мобилизовать их или сопротивляться им, вести за собой, устрашать силой или характером, соблазнять идеями, увлекать эмоциями - короче, вытаскивать из рутины и застоя. Когда принимаются исторически важные решения, массы должны быть «под рукой».

В целом, вышеприведенные концепции социальных изменений теперь предоставляют возможность дать общую характеристику понятия «социальные изменения». В науке сложилась традиция типологизации социальных изменений, где обычно выделяют следующие их виды: 1) социальные революции; 2) реформы; 3) модернизация; 4) трансформация; 5) социальные движения и т.д. Таким образом, понятие «социальные изменения» рассматривается как родовое, включающее в себя ряд видовых понятий. Такой синтезирующий потенциал делает его привлекательным в социотворческом опыте многих обществ, так как направляет мирное протекание социальных процессов по пути обновления общественной жизни.

Литература

1. Березовская Л.Н., Ковалёв А.Н. Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование. – М.: Изд-во МГТУ, 1998, с.5.
2. Беккер Г. и Босков А. Современная социологическая теория. - М.: Изд-во «Иност. литература», 1961, с. 119
3. Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990, с. 602 - 603
4. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно: Ничто никогда не меняется. /Социс, №1, 1997, с. 7-8.
5. Гайденко П.П. Социология Макса Вебера. /В кн.: М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990, с.11.
6. Громов И., Мицкевич А., Семенов В. Западная социология. – СПб., 1997, с. 29.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996, с. 67.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. 1955. – С.133
9. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. - М: Политиздат, 1992, с. 376.
10. Тойнби А. Постижении истории М.: -1991 с. 288.
11. Тард Г. Социальная логика /В кн. : Западноевропейская социология XIX - начала XX веков. – М.: Изд-во Межд. универ. Бизнеса и Управления, 1996, с. 146.
12. Тённис Ф. Эволюция социального вопроса /В кн.: Западноевропейская социология. - М. Изд-во Бизнес и управление, 1996, с. 169.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М. ООО «Изд-во АСТ», 2003, с. 117.
14. Фукуяма Ф. Конец истории?/Воп. философии. №3, 1990, с. 134.
15. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003, с. 15.
16. Штомпка П. Противоречия великой трансформации и шансы социотехники./ РЖ «Социология» Серия 11, 1994, с.67.
17. Штомпка П. Великие личности как агенты изменений. /В кн.: Психология власти. – Самара: Изд-во «Бахрах», 1999.с.52.